

*Громадная благодарность:
Александру Башибузуку за животворя-
щие пендели,
Андрею Кокореву за бесценные советы
по жизни и быту начала XX века (кто не
читал «Повседневную жизнь Москвы» —
рекомендую),
Алексею Вязовскому и бета-ридерам за
то, что кто-то все это прочитал.*

Еще и **примечания автора:**

Вторая книга цикла «Неверный ленинец». Будет Россия Шредингера — одновременно с хрустом французских булок и голодом. Будут приключения, в первую очередь приключения мысли, иногда со стрельбой. Будет много исторических лиц, в том числе малоизвестных. Будет много непонятных слов, ставить примечания к каждому нет возможности — Гугл и «Википедия» вам в помощь. Будут прямые цитаты из сочинений встречающихся в тексте лиц в качестве их речи или писем.

Граничные условия — революция неизбежна, царизм нежизнеспособен, англичанка гадит, мафия бессмертна))

Зима 1902

Дверь распахнулась, и в помещение вместе с морозным паром ввалились человек пять городских, в шинелях, митенках и башлыках по зимнему времени. Шедший впереди детина богатырского сложения слегка повел рукой и отодвинул меня с Тулуповым с дороги, отчего мы даром что не отлетели к стене.

— Всем оставаться на местах! — рявкнул один из полицейских среди топота сапожищ и звяканья портупей и сабель. — Остановите машину!

Печатный цех являл собой своего рода живую картину «Не ждали» или, скорее, финальную немую сцену из «Ревизора» — фараоны рассредоточились по типографии, большинство рабочих застыло, гремел вал, станок плевался листовками, и двое плавно стопорили его работу.

— Остановить! — снова рявкнул городской и двинулся в их сторону.

— Останавливаем-останавливаем, только резко-то нельзя, «американка» — машина нежная, вон, тигель-то качается еще... — попытался объяснить пожилой печатник в измазанном краской фартуке, указывая на чугунное творение бостонской фирмы «Планета» с рычагами, колесами и вертикальной панелью-талером. Напарник его, молодой и здоровый парень, мрачно глядел на стражей закона, но подтормаживал

ножным приводом, отчего и маховик начал замедлять вращение.

— Поговори мне! — сунул держиморда кулак под нос пожилому, тот только поклонился и отошел от машины.

В пропахшем запахом разогретой смазки, бумаги и краски помещении установилась тишина, ну почти — было слышно лишь, как затихает станок, из которого выпала последняя листовка, рабочие отошли к стенам и замерли. И тут Алексей, ботаник и педант, двинулся вперед — вот уж от кого не ожидал!

— А что, собственно, происходит? На каком основании вы врываетесь в типографию?

— На основании постановления об обыске! А вы кто будете?

— Управляющий типографией Тулупов, — гордо выставил вперед жидкую бороденку Леша, — предъявите постановление!

— Сей секунд подъедет пристав, — прогудел городской, и словно в подтверждение его слов снаружи несколько раз тренькнул колокольчик запряженной в сани лошади и раздалось «тиррру!». Еще через минуту дверь открылась и в типографию вошел... разумеется, Кожин — я чуть не заржал.

— Николай Петрович! У нас с вами просто талант к встречам *in improvisa adiunctis*.

Тот несколько оторопело глянул на меня и на автомате вынул из-за отворота бобровой шубы пакет с постановлением.

— Да уж, ничего не скажешь. Прямо даже боюсь представить, где свидимся в следующий раз.

Дверь снова бухнула, и на сцене появился Митя Рюжкин, веселый и румяный с мороза.

— Давайте листовки! — радостно крикнул он, прежде чем его сграбастал за шиворот еще один фара-

он, появившийся у него из-за спины и прятавшийся в тамбуре как раз на такой случай.

Кожин только криво усмехнулся, обвел глазами типографию и остановился взглядом на Алексее.

— Господин Тулупов, если не ошибаюсь? Извольте ознакомиться, — постановление перешло в руки «управляющего типографией», а я все еще стоял у стены и наслаждался эдакой мизансценой.

Рабочие спокойно стояли по углам, кое-кто пытался стереть вечную краску с рук такой же заляпанной и промасленной тряпичей, полицейские переминались с ноги на ногу в ожидании команды приступить к обыску. Леша дочитал бумагу, передал ее обратно Кожину и сделал приглашающий жест:

— Прощу.

— Панков, двух понятых и посыльного к следователю, — скомандовал Кожин.

Названный Панковым козырнул и молча вышел.

— Николай Петрович, присесть не желаете? — вступил в дело я. — Может, чайку с мороза? Митя, будь добр, распорядись.

Митя двинулся было к дверям, но был остановлен тяжелой рукой в вязаной перчатке, легшей ему на плечо.

— Не положено!

— Николай Петрович, ну ей-богу, что за нелепость?

— Гм. Михаил Дмитриевич, будьте любезны сначала объяснить, что вы тут делаете, а потом уж решим, за чайком бежать или в участок везти.

— Как что? Приехал забрать тираж листовок, — я откровенно наслаждался ситуацией и даже снял пальто с меховым воротником, оставшись в известном на всю Москву френче. Известном настолько, что среди москвичей, оказывается, бытовало твердое

убеждение, что англичане для своих войск в Трансваале нагло слямзили фасон с «куртки инженера Скамова», как меня тут величали. Бороться с такого рода городскими легендами — дело бессмысленное, и на вопросы, как это британцам удалось, в зависимости от обстановки я глубокомысленно пожимал плечами или трагически вздыхал, но ничего конкретного не говорил, что только укрепляло эту версию, ну и мой авторитет до кучи.

— Не могу поверить, — пристально глядя на меня и скорбно покачивая головой, протянул Кожин, — инженер Скамов, известный изобретатель, глава Жилищного общества, кавалер ордена Святого Станислава — и вдруг листовки! Как же это вы так вляпались, Михаил Дмитриевич?

— Да все этот артельный съезд, все силы вымотал, — я решил разрядить обстановку, а то сдерживаться от смеха становилось все трудней и трудней.

— Какой съезд? — оторопело переспросил пристав.

— Ну как же, сельских артелей Центральной России, под патронажем великого князя Сергея Александровича, вы что, газет не читаете? — я обернулся к вешалке с пальто и вынул из внутреннего кармана купленные утром газеты, в коих немалое место занимали репортажи с нашего съезда, и протянул Николаю Петровичу, так и стоявшему посередине цеха в распахнутой шубе.

— Да при чем тут съезд? — он, похоже, начинал злиться.

— На съезде завтра важное голосование, мнения разделились... — начал я уже серьезно. — Наша группа решила подготовить и напечатать листовку с нашими аргументами и раздать участникам, чтобы донести до каждого то, что мы считаем правильным. Вот, пожалуйста, — я повернулся в другую сторону,

выдернул одну из пачки уже напечатанных листовок и подал ее Кожину.

Пристав бегло просмотрел ее и сморщился, будто сожрал лимон. По-моему, он даже тихонько застоялся — еще бы, полтора года назад мы устроили московской полиции «волну телефонного терроризма» и в течение нескольких месяцев задержали ее подметными письмами о том, что в той или иной типографии печатается нечто запрещенное. Естественно, никакой нелегалщины там и не было, некоторые печатни безрезультатно обыскивали по пять-шесть раз, и к концу года полиция от любых подобных сведений просто зверела и отмахивалась. Чего мы, собственно, и добивались, получив свободу рук на полгода. Ситуация поменялась после эпического старта «Правды», когда охранители начали искать место ее издания и вернулись к обыскам, но вторая волна довольно быстро сошла на нет ввиду околонулевой отдачи — нашлась только одна маленькая типография, да и то с нашей же помощью.

Вот и сегодня Кожин надеялся поймать настоящую рыбку, но челюсти полицейской щуки щелкнули впустую.

— Так что же, чайку?

Кожин страдальчески вздохнул, отвернулся и махнул рукой.

— Давайте. И лучше бы нам присесть где-нибудь.

— Алексей, — обратился я к Тулупову, — мы с господином приставом займем контору с вашего разрешения?

— Разумеется, чувствуйте себя как дома, — это был фирменный стиль нашего «управляющего», шутки только для своих.

Тем временем Панков доставил понятых, прибыл и следовательно, начался обыск, а я, сидя за чаем с ка-

лачами, рассказывал Кожину о съезде, который нам удалось организовать не иначе как чудом, причем не одним.

Готовить его мы начали сильно загодя, когда стало ясно, что артельное движение «попало в точку» — если в первый год у нас было пять артелей, из которых выжило три, то на второй вокруг каждой образовался куст из шести-семи, а кое-где и десятка новых артелей, так что к осени 1901 года у нас их действовало примерно двести. А когда стало ясно, что неурожай в артелях пережили значительно лучше, чем окружающие, начался вал, и к зиме в стадии формирования находилось еще девять или десять сотен. Ну и труды тут были не только наши, на старте нам очень помог пример фон Мекка, соседа первой артели в Кузякино, землевладельца и председателя правления Московско-Рязанской дороги — он начал создавать такие же артели для поставок продуктов своим путейцам. Глядя на него, подтянулись и другие, движение ширилось, так что пора было писать и типовой устав, и создавать объединения, и строить взаимный кредит и даже нечто вроде приснопамятных МТС — парков техники в ряде мест, где в локомотивах или там конных жатках была большая потребность.

Коля Муравский, успешно закончивший университет и пока числившийся «помощником присяжного поверенного», со своими коллегами-юристами совершил первое чудо: дождал Министерство внутренних дел и выбил из него разрешение на созыв съезда. Я, конечно, подозревал, что здешнее МВД пытается контролировать все и вся, но чтобы настолько... То есть мало было испросить разрешения — нужно было утвердить программу, каждый пункт, регламент и ни-ни отклоняться под угрозой закрытия съезда.

И согласовать дату — нельзя в пост, нельзя на тезоименитства, нельзя в церковные праздники, нельзя, нельзя, нельзя...

И вот ей-ей, гипертрофированное НКВД, которое занималось всем подряд, возникло не просто так, а имело в основе вполне родную традицию — МВД Российской империи было не менее монструозно. И даже имело в своем составе строительные организации, разве что без ГУЛАГа — Корпус гражданских инженеров, отвечало и за электропроводку, и за назначение учителей (!), и за статистику, и за иностранные исповедания, и за осуществление решений правительства, и за городское управление... Провести выборы предводителя дворянства — МВД, соорудить памятник — МВД, продовольственная помощь — МВД, все, что угодно, вплоть до страхования и ветеринарного дела. Неудивительно, что этот бюрократический монстр был громоздок, неэффективен, страшно боялся любых изменений (а вдруг налаженная рутина сломается?), да еще и работал медленно.

И вот эту структуру Коле удалось пробить и получить утвержденную повестку. Конечно, полностью все, что мы планировали, в нее втиснуть не удалось — например, вычеркнули комиссию по кооперативной пропаганде. На удивление прошли почти все «мастер-классы» — доклады для заинтересованных лиц по разным аспектам работы артелей. Я ввел такой новый формат в надежде, что практические занятия, как мы их наименовали, вызовут меньше возражений, чем заседания всяких там комитетов, так и вышло.

Вторым чудом стало то, что фон Мекк какими-то своими хитрыми путями представил программу съезда на одобрение московскому генерал-губернатору. Я так полагаю, что он просто сумел, что называ-

ется, «подсунуть на подпись» — великий князь был скорее церемониальной фигурой, нежели хорошим администратором. Но, как говорится, «и так неплохо вышло», и эта подпись нам потом очень пригодилась.

Третьим чудом — место для проведения съезда. Помещения на сотню делегатов и полсотни-сотню гостей в Москве найти можно было — и свадебные дома, и Охотничий клуб сдавал свои помещения, были и Большой зал Консерватории, и поточные аудитории Университета.

Но...

Громадное такое «но» — как только мы говорили, что на съезд артелей прибудет в количестве вот этот самый *le grand muzhike russe*, так сразу же находилось десять тысяч отговорок и причин для отказа. Первым отпал Охотничий клуб, но с ним это было худо-бедно ясно — заведение элитарное, в смазных сапогах туда никак нельзя. Затем отказались и свадебные дома, то есть особняки, которые сдавали под проведение разного рода торжеств — «частные компании, имеют право». Но вот либеральная профессура, которая при каждом удобном случае клялась в любви к народу, удивила — оказывается, допускать мужика в храм музыки (или науки) тоже никак невозможно. Занятия, то-се, ну вы же понимаете...

Понимаем-понимаем, трындеть по народное дело лучше издалека.

Выход нашелся неожиданный: мы арендовали кирпичное здание в русском теремковом стиле, с большим внутренним пространством — первую городскую электростанцию на Дмитровке, ее отключили еще в 1897 году. Строение, кстати, и собирались использовать для тех же целей, что и у нас — мы удачно вклинились перед пожарной выставкой и Всероссийским пожарным съездом, намеченными на весну.

Главной «ударной силой» на съезде предполагались мужики из самых первых артелей, успевшие за три года и поднять свое материальное положение, и прочувствовать выгоды совместной работы. Кроме того, мы активно использовали схему последовательных инвестиций — если в первые артели я вкладывался напрямую, то, подзаработав денег, уже они вкладывались в следующие и так далее. Получалась своего рода пирамида или матрешка, где наши деньги (в том числе и полученные от продажи южноафриканских алмазов) с каждой новой ступенькой все больше и больше растворялись в общей массе, но тем не менее позволяли сильно влиять, а кое-где и полностью контролировать происходящее.

И естественно, что в такой системе главными проводниками наших идей, помимо студентов-агрономов, были те же самые мужики-первопроходцы. Так что перед съездом за нас гарантированно было не менее трети делегатов, еще процентов тридцать было скорее за нас, чем нет, а вот с остальными надо было работать — не то чтобы они были против или там представляли какую-то иную группировку, просто не втянулись еще и мысли у них были пока что вразброд.

«Петровцев», «юристов» и вообще «тилихентов» из нашей команды я заставил к съезду отпустить бороды, у кого не было, и ходить на съезд непременно в сапогах и косоворотках — крестьяне народ консервативный, пиджаки-галстуки могут и не оценить. Мне-то проще — у меня все вышеназванное имелось, а нескольким ребятам из необеспеченных пришлось помочь материально, но в целом мы явились делегатам по виду не как баре, а как хорошо знакомые соседи.

— ...На ваших дворах застучали молотилки. На ваших полях появились посевы клевера, начали повы-